

КАК СЛОВО СТАНОВИТСЯ ДОМОМ БЫТИЯ¹

© 2012

В.П. Зинченко

В моем начале — мой конец <...>
В моем конце мое начало.

Т. Элиот

В начале было Слово...
Ин. 1.1

От всего человека вам остается часть Речи.
И. Бродский

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

Гетерогенность слова

Если *начало* отнести к жизни отдельного человека, то *между* началом и концом, обозначенным в приведенных фразах, располагается хронотопия сознательной и бессознательной жизни человека. *В Нем* (в Слове) *была жизнь, и жизнь была свет человекам* (так в переводе С. Булгакова) (Ин.1:4) *И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины* (Ин. 1:14).

Все ясно только в мире слова.
Вся в слове истина дана.

Ф. Сологуб

Как и вся ложь: *Мысль изреченная есть ложь*. Для одного Слово — это Бог, для другого бог — всего лишь слово. Для одного Слово — Дух, для другого — всего лишь буква. Мы не знаем судьбу слов, среди которых живем, сказал в свое время мудрый В. Шкловский. Сегодня трудно назвать завидной судьбу русского слова. На эллинистической природе русского языка не лучшим образом сказались многолетние старания *самозванцев мысли, печальных наборщиков готового смысла, торговцев смыслом жизни, манипуляторов сознанием*. Лишенная вкуса к слову идеология разрушает язык не только как средство общения, но и как инструмент мышления.

* * *

Г.Г. Шпет настаивал на том, что не чувственность, не действие, а слово, рассматривавшееся им как социальная вещь, есть первый и главный принцип *cognoscendi*. Л.С. Выготский называл слово зародышем науки. М. Хайдеггер пошел еще дальше,

**Зинченко
Владимир
Петрович** —

доктор психологических наук, профессор Научно-исследовательского университета "Высшая школа экономики", академик РАО. Постоянный автор журнала.
E-mail:
zinchRae@yandex.ru

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Проект "Субъект и культура: основы междисциплинарного исследования проблемы". ТЗ 55, 2012 г.

5

сказав, что *язык — Дом бытия*. Имеется в виду, конечно, язык говорящий, то есть слово. Как оно им становится? На каком основании можно считать слово главным принципом познания?

Слово, будь оно истиной или ложью, воплощается в дело. В.Л. Рабинович, специально анализировавший соотношение слова и дела в библейских текстах, показал, что в них слово приравнено к делу, зовет к действию, чреват делом. Слово Иисуса Христа удостоверяется деянием, действием, чудом, поступком. Такое исполненное и наполненное делом слово вочеловечивается². А человек становится словесным существом, по Ж. Лакану — *parlêtre*, буквально — словесностью. «Слово Откровения ближе к поэтической речи, чем к теоретическому дискурсу <...> это поэтический язык, который, однако, не может увлекаться описаниями и динамичен по своей природе. Такое слово — не рассуждение, не описание, а “делание”»³. Разлад между словом и делом не безобиден:

О бездарный разлад
между делом и словом!
Ты, разлад, как разврат:
с кем повёлся — тот сломан.

Р. Казакова

Согласно В. Гумбольдту, слово — это энергия, сила, деятельность. Оно же действие, перформатив, поступок:

Солнце останавливают словом,
Словом разрушают города.

Н. Гумилев

Что там Солнце. Когда кухарки освободили кухни и начали управлять государством, произносимое на них незлое, тихое слово порушило (до основания ли?!). *Союз нерушимый*. Его конец предсказали дети, когда в 1971 году во время пышных торжеств в честь 100-летия В.И. Ленина они стали приносить из детских садов и начальной школы анекдоты о нем⁴. Надеюсь, мы увидим, на что способно молчаливое “бульварное”, громкое “площадное” и написанное блоггерское слово? Их объединяет то, что они являются свободными словами. И. Бродский, конечно, был прав, говоря, что словесность — дочь свободы. Столь же верно, что словесность, слово расширяют число степеней свободы поведения и деятельности, как прав и В. Шкловский, утверждавший, что слово освобождает душу от тесноты. Надежда на слово оправдана тем, что само слово уже есть событие. В.В. Биbihин ставит вопрос: «Где же событие? В сочетании слов? В “переживании”? Или — или оно уже есть в Слове, и только войти, принять, донести, — в словесном существе человека, только не изменить ему?»⁵ То же и с делом: “всякое дело всегда в слове в том смысле, что всякое дело раньше, чем его хотят описать, выразить, высказать, занести в историю, уже подключено к смыслу, основе слова”⁶. Даже не

² Рабинович В.Л. Слово евангелиста Иоанна в учительской культуре средневековья (Опыт комментария) // Человек в системе наук. М., 1989. С. 143–145.

³ Аверинцев С.С. Собр. соч. София — Логос — Словарь. М., 2006. С. 825.

⁴ Зинченко В.П. Слово сильнее государства // Альтер-Эго. 1992. №1.

⁵ Биbihин В.В. Грамматика поэзии. М., 2009. С. 376.

⁶ Там же. С. 369.

услышанное или услышанное, но вытесненное и замолчанное слово имеет свойство сбываться.

Смысл, лежащий в основе слова, витает над делом, действием, в том числе над перцептивным, мнемическим, умственным. Бибахин не склонен разделять многократно в разных языках переплетенные дело и слово, “речь” и вещь, событие, легенду, историю.

Там, где дело, нужен его образ — образ действия и его обстоятельств. Значит, слово также свет, опыт и образ, оно позволяет видеть невидимое. Введение эйдосов получилось из рассмотрения словопонятий, — писал Аристотель. Похоже у Б. Пастернака: *Образ мира в слове явленный*. Словом же и воздвигнутый.

В нем же явлена и личность и ее внутренний мир (*внутренний Град*). Слово не только зачинатель и актуализатор образов. Оно само не только термин, но и образ. “Слово — не обман, не символ только, слово — действительность, вся без остатка действительность есть слово, к нам обращенное, нами слышимое <...> Пластика, музыка, живопись — словесны. Такова — внешность их; через словесность, присущую им, они действительны. Это — реально-художественный язык”⁷. Например, “танцеслово”, балет.

В слове концентрируются и в нем же выражаются наши чувства, переживания, эмоции. Православная традиция приравнивает слово к любви (П.А. Флоренский). В слове выражаются как “доводы сердца”, так и “доводы разума”. Таким образом, живое слово, как и образ, как и живое движение (действие), вне которого невозможны ни актуализация, ни воплощение первых, содержит в себе главные атрибуты души: познание, чувство и волю.

Слово — Психея, — сказал О. Мандельштам. В свою очередь, душа, рассматривавшаяся Аристотелем как первая энтелехия тела, выражает себя в тонких вибрациях, то есть в том же живом движении, в слове, в образе, в деле. Уподобление слова душе не должно быть неожиданным. Оно не первое. Приведу поразительно близкие по смыслу высказывания о том, что собой представляет произведение искусства. В. Гумбольдт: “Всякое произведение искусства, как и создавшего его художника, можно рассматривать как самостоятельный индивид. Это живое целое. Оно имеет внутреннюю силу и жизненный принцип, благодаря которому оно воздействует определенным образом”⁸. В.В. Кандинский: «истинное произведение возникает таинственным, загадочным, мистическим образом “из художника”. Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным духовно дышащим субъектом, ведущим также и материально реальную жизнь, оно становится *существом* <...>. Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы»⁹. Итак, художественное произведение — живое существо, субъект, индивид, личность, своего рода объективированная субъективность Мастера. В основании художественного произведения, будь оно вербальным или невербальным, лежит слово. Оно же обязательно входит в его внутреннюю форму. Сле-

В. Зинченко
Как слово
становится
Домом бытия

⁷ Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избр. труды. М., 2007. С. 196–197.

⁸ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 224.

⁹ Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М., 1992. С. 99.

довательно, приведенные выше уподобления относятся и к слову. Руководствуясь близкой логикой, А.В. Запорожец рассматривал отделившееся от человека действие как внешний субъект. О. Мандельштам говорил: “Голос — это личность”. Завершу этот перечень уподоблением Г.Г. Шпета: Личность есть слово, и требует своего понимания. Она имеет свои чувственные, онтические, логические и поэтические формы. Это утверждение Шпета связано с другим. Объект есть предмет и субъект вместе. Расширяя это положение, можно сказать, что *культура*, рассматриваемая как объект, *есть слово и субъект вместе*. Сказанное не противоречит данной Шпетом характеристике культуры: “Слово есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура — культ разумения, слова — воплощение разума”¹⁰. Нет культуры без субъекта, который понимает, без личности, воплощающей разум в слове. Значит, и слово и культура гетерогенны. Слово не только переплетено во многих языках с делом, вещью, образом, легендой, событием, личностью и т.д., но и реально вплетено в них, а они в него. Между человеком и языком (словом) устанавливается прочная эмоциональная связь, порой — даже деятельная любовь к слову, к поэзии.

Заключая разговор о гетерогенности слова, скажу, что именно она делает слово действительностью, позволяет говорить о мире слова, презентированном человеку для непосредственного восприятия и действия с ним и в нем. Конечно, слово можно и даже следует рассматривать в качестве средства-медиатора, репрезентирующего мир, в том числе и мир слова. Непосредственная и опосредующая роль слова одинаково важна в познании и действии, которые, в свою очередь, обуславливают друг друга.

Гетерогенез слова в антропогенном пространстве культуры

Если бы моя задача ограничивалась лишь демонстрацией гетерогенности и гетерогенности слова, то здесь можно было бы поставить точку. Однако поскольку вопрос поставлен о доме бытия, в ответе на него речь должна идти о гетерогенезе слова, образа и действия, и придется продолжать, скорее, начинать сначала.

И там, где сцепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит.
Большая Вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.

О. Мандельштам

И он же о Б. Пастернаке, который, по словам А. Ахматовой, был награжден каким-то вечным детством: “Набрал в рот вселенную и молчит. Всегда, всегда молчит. Аж страшно.

Набравши море в рот,
Да прыскает вселенной”.

¹⁰ Шпет Г.Г. Указ. соч. С. 207.

Может быть, благодаря своей детской непосредственности Пастернак хотел *Во всем дойти до самой сути*. И это ему удавалось. Мысль о большой вселенной и маленькой вечности не нова. Б. Паскаль говорил, что “в пространстве вселенная объемлет и поглощает меня, как точку; в мысли я объемлю ее”¹¹. Сказанное Паскалем относится далеко не ко всем: *Но в мыслях твоих вселенной нет, увь* (Жерар де Нерваль).

Спящая Вселенная — это вызов, ребенок должен призвать ее словом, прервать молчанье, чтобы она проснулась, вочеловечилась и чем раньше, тем лучше. Чтобы стать микрокосмом, надо *понять* макрокосм, *назвать* его и *вместить* его в себе. Не забудем, что такая работа должна быть выполнена за время *маленькой вечности*. Чтобы ее проделать, недостаточно обладать косными инстинктами, близорукими рефлексамми, чувственностью, памятью и даже языком, понимаемым лишь как некая сигнальная система. Слово не сигнал, а целый мир, в который нужно войти, вместить в себе и с его помощью понять другие миры. Необходимо полноценное и полноценное слово, являющееся целью и средством общения и обобщения, слово, само требующее размышления, проникновения в его внутреннюю форму, ибо *за поверхностью каждого слова таится бездонная мгла* (Н. Заболоцкий). Услышать слово, понять его, найти нужное слово, а тем более наименовать словом, породить свое новое слово — это большой труд. Человек приходит в человеческий мир, хорош он или плох, но он уже пронизан и пропитан словом. И человек должен совершать, воспользуемся логикой М.К. Мамардашвили, первоакты или акты первоместимости мира и самого себя, как его части¹². Для того, чтобы такое случилось, мир, настолько включающий в свой состав слово, что его весь можно назвать миром слова, домом бытия, должен удовлетворять кантовскому требованию умопостигаемости, интеллигибельности, а приходящий в мир младенец должен обладать не рефлексамми, а картезианским *cogito*.

П.А. Флоренский писал, что “в слове исходят из меня гены моей личности, гены той личностной генеалогии, к которой принадлежу я. И поэтому словом своим, входя в новую личность, я зачинаю в ней личностный процесс”¹³. В Античности подобное называлось *семенным логосом*. Католический теолог Клод Тресмонтан дал поучительную трактовку непорочного зачатия. Сама Дева Израиля была предуготовлена библейской структурой человеческого мышления и языка к восприятию слов Бога живого, а также к тому, чтобы получить и выносить Логос, который стал плотью, чтобы явиться нам¹⁴. Еще раз обратим внимание на то, что мир включает в свой состав слово и вновь прислушаемся к Мамардашвили: “...существование в нашей голове каких-то постижений, ориентаций, разных мыслей, эстетических переживаний предполагает как бы предсуществование вот той самой вещи, которую я описывал как некую стихию или феноменомальную материю, назвав ее Словом”¹⁵.

¹¹ Паскаль Б. Мысли. Афоризмы. М., 2011. С. 113.

¹² Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. М., 2004. С. 15.

¹³ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. М., 1990. С. 271.

¹⁴ Тресмонтан К. Разум // Страницы. 1996. № 4.

¹⁵ Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 59–60.

А. Белый назвал это предсуществующее Слово зерном, существующим в душе. У младенца, помимо передаваемого ему матерью зерна — Слова и *cogito* — должен быть и кураж — могу. Поверим Канту, что мир, скажем мягко, не вполне абсурден, хотя бывает такое, когда *Уровень бреда выше уровня жизни* (М. Цветаева), и обратимся к *cogito*. Бл. Августин в “Исповеди” не устает благодарить Бога за то, что тот дал ему *разум*, с помощью которого он начал понимать человеческую речь. Августин даже сказал, что он этого достиг, наблюдая, куда направлен взгляд взрослого, и слушая его речь. Сегодня это доказано с помощью регистрации движений глаз младенца, попеременно фиксирующего свой взгляд на глазах и губах взрослого и прослеживающего направление его взора (Августин не просто догадался, но наблюдал за младенцами!). Подобные акты первовместимости Мамардашвили, вслед за Кантом, назвал “фактами разума”: «не разумным знанием конкретных фактов, их, так сказать, отражения, а сам разум как осуществленное сознание, которое нельзя предположить заранее, ввести допущением, заместить “могущественным умом” и т.д. Сознание лишь может быть или не быть. И если такой “факт” есть, то он всеместен и всевремен в открытом им поле и поле возможностей языка и истории (или в пространстве — времени первичной семиотизации)»¹⁶.

Есть ли такой акт (и “факт”) в индивидуальном развитии? Можем ли мы довериться наблюдениям Августина, а главное — его интерпретации? Действительно ли у младенца есть разум, кем бы он ни был дарован, — разум (как “осуществленное сознание”), порождающий мысль раньше, чем появится мышление? Ведь мышление — это аппарат для обдумывания мыслей (В. Бион), а если нет мыслей, не на чем и нечем строить аппарат. Разум, сознание — это не инстинкты и рефлексy, даже не доопытная готовность, не первичная (нефиксированная) установка, не только потенциал действия, в которых разные исследователи видели начало предпсихического и психического развития ребенка. Может быть, прав был М. Волошин, говоривший, что *Ребенок — непризнанный гений среди буднично серых людей*, которым морально тяжело признать детскую гениальность? Психологам тоже. С легкой руки Ж. Пиаже психологи, изучавшие поведение младенца, главное, можно сказать, исключительное внимание уделяли его сенсорике и моторике и сенсомоторному интеллекту. Пиаже по-своему расшифровал понятие трансцендентальной схемы, выступавшей у Канта как условие априорных синтетических суждений. Пиаже ввел понятия сенсомоторных, перцептивных, операторных систем, с помощью которых он описывал этапы формирования у ребенка до-понятийного, до-вербального сенсомоторного, образного мышления. Тем самым он заложил традицию достаточно жесткого различения бессловесного интеллекта, с одной стороны, и бездейственного, безобразного вербального, с другой. Пагубность такого жесткого разделения видов мышления не-

¹⁶ Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 15–16.

однократно осознавалась и фиксировалась педагогами и психологами, однако для его преодоления делается непростительно мало. Любое мышление полифонично, что не мешает тому, чтобы у каждого его вида был свой контрапункт.

Пиаже и его последователи, конечно, отмечали сроки появления “протоязыков”: гуления, лепета, разновидностей плача, но не придавали этим видам экспрессии должного значения, не видели за ними начала семиотизации ребенком своих собственных состояний, в том числе вызванных любовью, заботой, лаской и словом матери. С.М. Эйзенштейн назвал голос *звучовой конечностью*, посредством которой мать дотягивается и до трагивается до своего чада. Я вовсе не хочу принизить значение сенсомоторики в развитии ребенка. И Пиаже, и до него опытные педагоги и психологи замечали, что игры и упражнения, требующие мелких пальчиковых движений, содействуют развитию речедвигательного аппарата. Я хочу лишь сказать, что человеческий младенец с момента рождения представляет собой одухотворенное существо. Соответственно, и смотреть на него нужно духовным, а не только телесным взором. Напомню опыт А.А. Ухтомского, который даже на нервно-мышечный препарат лягушки смотрел духовным взором, что и позволило ему создать учение о доминанте и заложить основы психологической физиологии. Поэты, художники и философы добрее, чем психологи. К ним и обратимся.

П.А. Флоренский воочию увидел в глазах своего двухмесячного сына Васи даже не сознание, а сверхсознание, какого он никогда не видел в глазах взрослых людей. Думаю, что *сверхсознание* в глазах Васи не было спонтанным. Оно пробудилось под заинтересованным и любящим взглядом его папы. Г.Г. Шпет на основании феноменологического анализа сознания пришел к заключению, что независимо от уразумения, которому мы “научаемся”, всегда несомненным остается наличие способности к нему. Она может иметь разные степени — от тупости до дара. Эту способность Шпет назвал интеллигибельной, то есть разумной интуицией, которая улавливает укорененный в мире, в бытии смысл. А там, где разум, обязательно присутствует чувство. Деятельность, действия не совершаются, а слова не звучат в бессмысленной пустоте. Ссылаясь на Аристотеля, Шпет говорит о соглашении, *consensusi*, который не может рассматриваться как результат какого-то развития, а сам есть условие развития. Для объяснения такого *consensusa* Шпет привлекает *единство рождения*: «Не только факт понимания речи, но еще в большей степени факт понимания в пределах рода, вплоть до самых неопределенных форм его, как механическое подражание, симпатия, вчувствование и прочее, суть только проявления этого единого, условливающего всякое общежитие “уразумения”, как функция *разума*»¹⁷. По словам Августина, он, добываясь понимания его взрослыми, действовал по собственному разуму. Аналогичны размышления М. Хайдеггера, который ввел

термин бытийной понятности: “Эта усредненная и смутная понятность бытия есть факт”. Хотя понятность — это еще не осмысленность, все же некоторым образом нам доступен и смысл¹⁸. В этом же направлении предпринимались поиски доопытного начала В.В. Библихиным. Он говорил не о начале, а о началах, но не разъединял их, а соединял в некоторое интегральное (похоже на декартово *cogito*) единство: *могу — мыслю — понимаю*, утверждая, что такое единство не столько свойство человека, сколько его существо¹⁹. Бытийную понятность Библихин рассматривал как принимающее понимание, в котором значительный удельный вес может занимать непонимание. Он как бы продолжил мысль Мамардашвили: «Существо, способное сказать “я мыслю, я существую, я могу” (даже минимум — одно), и есть возможность и условие мира. Мира, который он может понимать, в котором может за что-то отвечать и что-то с основанием знать. И достаточно, повторяю, что это случается хоть у какого-то одного существа в любом месте и в любое время, чтобы мир мог существовать»²⁰. Мамардашвили, как и Хайдеггер, утверждал, что понимание есть элемент самого бытия. Но он отметил важное свойство рождения мысли и понимания: рождающее не предшествует тому, что рождается. Как в приведенном выше примере: самосознание Васи пробудилось “здесь и теперь”. Выражаясь словами Шпета, до этого оно было в состоянии “потенциальном”, в состоянии *готовности быть*.

Замечу, что все приведенные авторы говорили о доопытном начале, не затрагивая классической оппозиции нативизма и эмпиризма. Они говорили не о врожденности разума, сознания, а как о само собой разумеющемся родовом свойстве человека. Завершу эту тему сильным аргументом Хайдеггера: “Начало скрыто содержит в себе конец. В подлинном начале никогда не бывает примитивности начинающего. У примитивного нет будущего, поскольку нет приносящего дары полагающего основу скачка и заскока вперед. Примитивное не способно давать ничего, кроме того, в плену чего находится оно само, ибо не содержит ничего иного. Начало же, напротив, всегда содержит в себе неизвестную полноту небывалой огромности, а это значит — спора со всем бывалым”²¹.

М.М. Бахтин так же, как Л. Леви-Брюль и К. Леви-Стросс, возражал против сведения развития, например, человеческого мышления, к преодолению древнего невежества и незнания, к рассмотрению первобытного мышления на фоне современного. Не без иронии он говорил о необходимости контрольной попытки рассмотреть современное мышление на фоне первобытного и оценить его в свете последнего²². Подобная контрольная проверка осмысленна и по отношению к детскому и взрослому мышлению. Устами младенца глаголет истина, и это — не слишком сильное преувеличение. Большая память человеческого рода не может быть примитивной. При всей несомненной пользе обогащения детского *cogito* средствами-ме-

¹⁷ Шпет Г.Г. Мысль и слово. Избр. труды. М., 2005. С. 173.

¹⁸ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007. С. 19–21.

¹⁹ Библихин В.В. Мир. СПб., 2007.

²⁰ Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 13.

²¹ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 213.

²² Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 135.

диаторами создаваемые ими надолбы и рвы опосредований уменьшают, а то и уничтожают детскую непосредственность и лежащую в ее основе интеллигибельную интуицию. Возвращение к богатству истоков и начал всегда есть благо. Я, правда, не уверен, что такое возвращение является “вечным”.

Здесь уместно вспомнить Л.С. Выготского, который различал натуральные (низшие) и культурные (высшие) психические функции и много думал о том, как преодолевается пропасть между ними. Одна из последних его гипотез датирована 1930 годом: “Высшие психические функции не надстраиваются, как второй этаж, над элементарными процессами, но представляют собой новые психологические системы, включающие в себя сложное переплетение элементарных функций, которые, будучи включены в новую систему, сами начинают действовать по новым законам”²³. С этим можно было бы согласиться, если бы автор указал, откуда берутся высшие психологические системы? В версиях Августина, Шпета, Хайдеггера, Мамардашвили, Бибихина мы сразу имеем дело с первичной и высшей (разумное чувство, чувствующий разум) интегральностью. Ей предстоит путь дальнейшей дифференциации и развития. Итогом является богатство душевной жизни, с которым имеет дело психология. Кажется, Ж. Ренан говорил, что человек растет корнями вверх. Иногда так представляют себе и Мировое дерево. Разумеется, разговор о начале и началах всегда проблематичен и вызывает нескончаемые споры. Что делать? *Порядок творенья обманчив, / Как сказка с хорошим концом* (Б. Пастернак).

Все же примем положение о том, что младенец сразу готов принять приглашение, вызов со стороны культуры и превзойти достигнутые ею в каких-то областях достижения. Он сам начинает порождать знаки, понятные взрослым, то есть порождать элементы культуры. Прав О. Мандельштам:

Быть может, прежде губ уже рождался шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Благодаря доопытному уразумению, чувствующему разуму, оказывается совершенно неправдоподобной *скорость внутреннего прогресса*, которая, по И. Бродскому, *быстрее, чем скорость мира*:

Скрипи, мое перо, мой коготок, мой посох.
Не подгоняй сих строк: забуксовав в отбросах,
эпоха на колесах нас не догонит, босых.

Разумеется, высокая скорость внутреннего прогресса не противоречит тому, что он длится десятилетиями. Какое отношение все сказанное имеет к гетерогенезу слова, образа, действия? Как образ и действие включаются в ткань слова, что делает его главным принципом *sognoscendi, домом бытия*?

²³ Выготский Л.С.
Собр. соч. Т. 6. М.,
1984. С. 58.

Не станем, вслед за Л.С. Выготским, Ж. Пиаже, Дж. Брунером и многими другими, откладывать на 1,5–2 года речевое развитие ребенка. Такое развитие начинается с “верхнего до”. Слово сопутствует младенцу со дня рождения. Мать, которую Л. Витгенштейн назвал первым психоаналитиком ребенка, непрерывно комментирует все его поведенческие акты, равно как и свои собственные, связанные с заботой о нем. В таком *слиянном общении и совокупном действии* любящая и преданная мать дарит ему душу, заботу, слово. Слово, как *паутина смысла* (М. Вебер), постепенно обволакивает ребенка снаружи, проникает в его чувства, образы, движения, действия, становится *кровеносной смысловой системой* (Г.Г. Шпет) его внутренней формы. (Сказанное можно рассматривать как еще одну версию интериоризации — интериоризации не интериндивидных отношений, не предметной деятельности, а интериоризацию смысла.) Мать выступает в роли сеятеля “семенного логоса”, который созревает и растет в плодородной почве действий и образов, обильно орошаемых ее собственными эмоциями и эмоциями ребенка. Напомню, что, по Декарту, действие, страсть, претерпевание — одно. В актах такого роста и развития приобретается осязаемый живой опыт опредмечивания и обозначения ребенком своих ощущений, движений, состояний, а также обозначения окружающих его вещей.

Завершая разговор о гетерогенезе, следует сказать, что в ходе развития дифференциация и интеграция идут рука об руку. Дифференциация ведет не к распаду, а к созданию нового. Отдифференцированные элементы сразу же обогащают исходную целостность, а когда их число увеличивается, образуют новую. Другими словами, мы всегда имеем дело с *человеком собранным*, конечно, степень или мера этой собранности могут быть весьма различными. Пределом стягивания в одно целое всех человеческих сущностных сил (духовных, душевных, физических) оказывается ответственный поступок, который “есть осуществление решения — уже безысходно, непоправимо и невозвратно; поступок — последний и т о г, всесторонний окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и разрешает в едином, единственном и уже последнем контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо все входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда”²⁴.

В ответственном поступке, который, конечно, не может быть предметом изучения (только — восхищения, удивления, ненависти) психологии, мы, тем не менее, обнаруживаем оглавление любого учебника психологии, где перечисляются все психические функции. Не забудем при этом, что, согласно М.М. Бахтину, не только действие, но и слово тоже может быть поступком. Оно может стать произведением и тем самым войти в состав духосферы, ноосферы, в культуру. Не случайно П.А. Флоренский назвал слово амфибией, живущей и во внутреннем и во внешнем мирах.

²⁴ Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. М., 2003. С. 29.

Внешние и внутренние формы слова, образа, действия

В. Зинченко
Как слово
становится
Домом бытия

Вызревающее слово становится внутренней формой образов, движений, действий, аффектов, начинает играть роль своего рода метаформы. Внутренние формы, казавшиеся нам невербальными, очень рано становятся вербальными, хотя они еще невербализуемы. Так формируется новообразование, которому М.К. Мармардашвили дал парадоксальное название: *невербальное внутреннее слово*. Происходящая в 1,5–2 года эксплозия, вулканический взрыв речевой деятельности ребенка, рассматривавшийся М. Монтессори как начало речевого развития, представляет собой вовсе не начало, а выход уже созревшего слова наружу. При этом оно выходит не пустым, а впитавшим в себя соки той почвы, в которой оно созревало и росло. Однако это довольно странный “выход”. Слово, вкуче со смыслом, выходит наружу и остается внутренней формой актов, которые оно, казалось бы, покинуло. (Это как с душой — чем больше даришь ее другому, тем больше тебе остается.) “Покинув” их, став внешней формой, слово прихватило их с собой, но уже в качестве своей собственной внутренней формы. Такая вот диалектика! Слово есть, и слова нет. Образ есть, и образа нет. Действие есть, и действия нет. Или иначе: в слове, взятом как внешняя форма, присутствуют в качестве внутренних форм образ и действие. По этой же логике в действии присутствуют в качестве внутренних форм слово и образ, а в образе — слово и действие (рис. 1). В актах своего становления они взаимно опосредуют и обогащают друг друга (рис. 2). Они становятся некими целостностями, гештальтами, сенсорными эталонами, оперативными единицами восприятия и действия, допонятийными обобщениями-комплексами, житейскими понятиями-представлениями, концептами, научными понятиями-

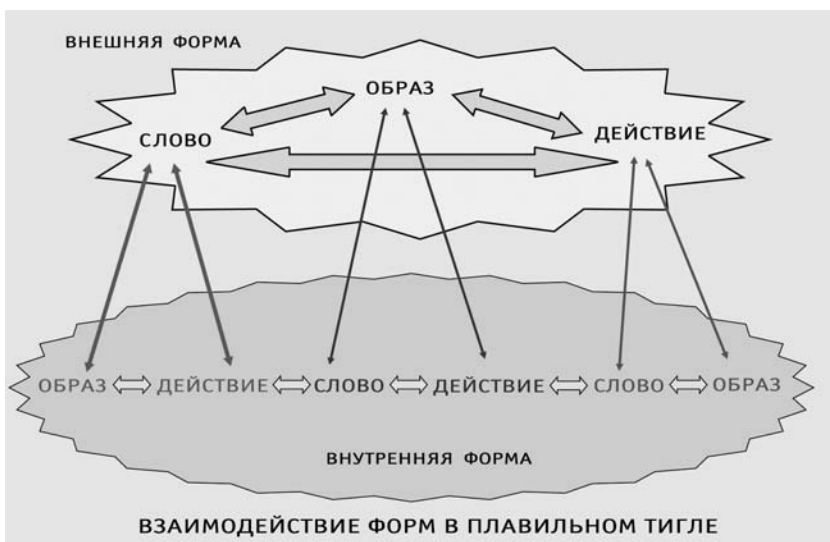

Рис. 1. Внешние и внутренние формы слова, образа и действия. Вверху — внешние формы, внизу — “бахрома” внутренних форм.

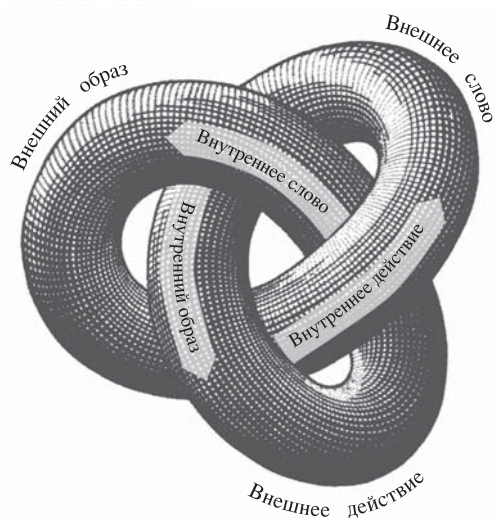

Рис. 2. Переплетение внешних и внутренних форм и их взаимопревращений

Разумеется, бахрома внутренних форм слова, образа, действия много богаче: в них имеются перцептивные, операциональные значения, со-значения и молчаливые, но динамичные СМЫСЛЫ:

В закрыты глаз, в покое рук —
Тайник движенья непочатый.

О. Мандельштам

На начальных этапах развития ребенка слово привлекает его не столько своим значением, сколько значимостью (В.В. Библихин), даже значительностью (О.А. Седакова). Хочу предупредить против натуралистического толкования внешней и внутренней форм и их соотношения. Внутренней формой слова является не образ вещи со всеми ее чувственными качествами. Такой образ непосилен для слова, он непосилен и для мысли, которая, потащив за собой весь вещный багаж, высоко бы не взлетела. Согласно Г.Г. Шпету, внутренние формы не вещны, а предметны. Предметный момент в структуре слова — это момент не чувственного восприятия, а умственного, интеллектуального: “Слово указывает теперь на нечто презентирующее, достигаемое не по указательному персту, не по чувственной интуиции, а по интеллектуальной”²⁵. Шпет не смешивает “предмет” и “вещь”: “И действительно, вещь есть предмет реальный, а предмет есть вещь идеальная”²⁶.

Значит, любая внешняя форма, будь она словом, образом, действием, аффектом, содержит в себе превращенные виртуальные, идеальные внутренние формы, что, впрочем, нам хорошо известно на собственном опыте. Мы испытываем дискомфорт, встречаясь с пустым, полым или бесполом словом, с иллюзорно-компенсаторной, суетливой деятельностью, мертвыми картинками, с выпотроженным символом и, вообще, с фальшивым зайцем.

²⁵ Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. С. 218.

²⁶ Там же. С. 219.

Мамардашвили говорил о законе названности собственным именем, законе именованности, являющемся условием исторической силы, ее формы: “Глухое переплетение глухих жизненных побуждений, каждое из которых само по себе закономерно, но безгласно. И — ничего не производится. Что происходит на самом деле? Что есть? Если даже не названо... Невозможно узнать. Более того, неназванной вещи невозможно и стать. Реальность, не имея люфта свободных именованностей и пространства состязательного движения, не доходит до полноты и целостности жизнеспособного и полноценного существования, до ясного и зрелого выражения своей самобытной природы. Как и вообще новое, если оно не оказывается в пространстве, охваченном эхом открытой его названности. Это ведь поле, где можно совершать усилие и *отвечать*; оно же и антропогенное поле, антропогенная среда. А как отвечать, если ты не окликнул... по имени”²⁷. Еще более решителен С.С. Аверинцев: “Творец приводил творение в бытие так, что окликал вещи, обращался к ним, дерзнем сказать — разговаривал, заговаривал с ними; и они начинали быть, потому что бытие — это пребывание внутри разговора, внутри общения”²⁸. В.В. Набоков, знавший ценность общения и познавший его дефицит, писал о прелести недоназванного природного мира и об ужасе, который вызывает неназванный вовсе городской мир. Последний случай — это фантазия писателя, видимо, спровоцированная его эмигрантским опытом (рассказ “Ужас”).

Именно антропогенная среда (духосфера, ноосфера, семиосфера, когитосфера, а главное — сфера непрекращаемого и нескончаемого разговора) и есть необходимое условие гетерогенеза слова, как и гетерогенеза личности, представляющей собой агрегат слов, синтезированных в слово слов — имя (П.А. Флоренский). И именно эта среда именуется словом с момента прихода в нее человеческого существа. С самого начала слово связывается со своим внутренним эквивалентом, будь это вещь, действие, событие, лицо, части тела — свои или чужие и т.п. Это и есть живой принцип опытного овладения словом, в том числе и *кипения* детского словотворчества. Конечно, человек может усваивать термины, обозначающие несуществующие явления и построенные по законам языка. Такие слова О. Шпенглер называл языковыми “псевдоморфами”. Они возможны, когда слова не связаны с актами наблюдения, поведения, действия, когда слово, взятое из одного мира, употребляется в другом вне своей, а с навязанной ему новой внутренней формой. Тогда слова становятся знаками без плоти и крови, и мы имеем дело с дублями, утопиями, симулякрами, идеологиями, *обманами путеводными, вечными истинами, из которых строятся казематы* (Вяч. Иванов).

Изложенная логика (и психология) овладения словом заставляет задуматься о том, что человек не просто усваивает, заучивает слово, он его рождает, разумеется, из посеянного семени. В.В. Кандинский в свое время сказал: “Внешнее, не рож-

²⁷ Мамардашвили М.К. Указ. соч. С. 114.

²⁸ Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 816.

денное внутренним, мертворожденно”. Справедливо и обратное, высказанное Шпетом положение. Если “внутреннее” только не разрешимая внешне, вовне идея, она ничто: «Но если она — живая действительная идея, она не “только идея”, а *idéa*, т.е. *вид*, прежде всего, внешний видимый облик»²⁹. Сказанное имеет прямое отношение к взаимоотношениям внешних и внутренних форм слова, образа и действия и к их порождению. Поэтому-то мы с полным правом говорим: мое слово, мой родной (от рода и отроду идущий) язык. Работает бахтинская последовательность: чужое слово — чужое свое — свое чужое — свое слово. Биbihин писал, что поэзия — это вход через собственное слово в собственно слово³⁰, то есть в *дом бытия*, куда она приглашает читателя. Став своим, собственным словом, оно становится своим-живым словом, настоящим функциональным органом индивида, в котором сочетаются силы слова, эйдетической энергии, энергии действия, самого субъекта. Свое слово — это непосредственное, значит, — свободное слово, сбросившее с себя сковывающие его пути опосредований. Оно и воспринимается столь же непосредственно, как музыка. Человек, не имеющий своего слова, сам становится органом, тупым орудием мертвой буквы, мертвого, нередко дурно пахнущего чужого слова. Собственно, он даже не орган, а неистребимый щедринский “органчик”, исполняющий только две пьесы — “Раззорю!” и “Не потерплю!”. История этого города продолжается и поныне. Счастливым исключением из этого правила являются поэты, которые сами, будучи органами языка, в значительной степени определяют его развитие.

Слово, как и образ, и действие, должно быть построено не только в своей внешней, но и внутренней форме. В свою очередь, внутренние формы строят *пространства внутренний избыток* — тот *сор*, из *какого, не ведая стыда, растут стихи*. Главная тайна обозначена А. Ахматовой: как из этого сора растут стихи? Или: как из своего избыточного видения (М.М. Бахтин) художник создает живописное произведение. И в том и в другом случае из гетерогенного материала выплавляются (или кристаллизуются) чистейшие гомогенные формы? Юрий Тынянов говорил о гетерогенных элементах, внедряющихся в гомогенные конструкции. И эти разнообразные элементы (Ю. Тынянов называл их эквивалентами) динамизируют форму, например, поэзия вбирает в себя образы, которые посылает нам мир³¹, являет их в слове. Аналогичным образом наблюдатель может видеть в картине художника движение и даже время. Избыточности и богатству внутреннего пространства противостоит пустота или пустыня, которая, кроме миража, ничего породить не может. Это хорошо понимал Б. Пастернак. У него была своя версия значения *словесного сора* в творчестве:

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть

²⁹ Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. С. 191.

³⁰ Биbihин В.В. Грамматика поэзии. С. 284.

³¹ Петровская Е.В. Теория образа. М., 2011. С. 149–150.

И жить, не засоряясь впредь,
Все это — не большая хитрость.

В. Зинченко
Как слово
становится
Домом бытия

Таким образом, гетерогенность и гетерогенез слова имеют непосредственное отношение к тайне творчества. Внешние и внутренние формы слова, образа, действия попадают в алхимический волшебный *плавильный тигль* (В. Гумбольдт, З. Фрейд, Л. Витгенштейн) или в котел *cogito* (М.К. Мамардашвили)³², где происходит *переплавка чувств* (Л.С. Выготский). По рецепту алхимиков в плавильный тигль добавляется несколько унций злости, любви, таланта, и выплавляются поэтические, живописные, музыкальные формы, основой и импульсом к созданию которых служит все то же творимое и творящее осмысленное и омысленное слово. О судьбе слова в поэзии неправдоподобно серьезно размышлял обычно ироничный Амброз Бирс:

А что со словом в стихах?
Как оно там творится?
Сердцем подсказанное,
душой поэта услышанное,
страстью записанное,
глазами чувств прочитанное
и в звуки речи вновь облаченное,
затем в судьбе читателя запечатленное,
слово в мир возвращается, смыслами обогащенное.

В поэзии слово со-творяется и этим словом смыслы со-общаются.

Чудо поэзии — слово претворенное,
Вместившее душу творца,
И этим одушевленное.

Насколько такая, наполненная смыслом и страстью, работа обладающего творческим потенциалом плавильного тигля является бессознательной, и является ли она таковой, — это сюжет специального разговора³³.

Для читателя, которого не убедило прозвучавшее в настоящем тексте похвальное слово слову, приведу (вместо заключения) гимн слову, принадлежащий Томасу Элиоту:

Если утраченное слово утрачено,
Если истраченное слово истрачено,
Если не услышанное, несказанное
Слово не сказано и не услышано, все же,
Есть слово несказанное,
Есть слово без слова. Слово
В мире и ради мира:
И свет во тьме светит, и ложью
Встал против Слова немирный мир,
Чья ось вращения и основа —
Все то же безмолвное Слово...

³² То ли косвенным, то ли прямым подтверждением высокого творческого потенциала, которым обладает *melting pot*, является пример США.

³³ Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М., 2011.